

Сказка о Иванушке-дурачке

Был-жил старик, у него «было» три сына: двое умных, а третий дурак, которого называли Иванушкою-дурачком. Он никакой другой работы не делал, как только пас у отца скотину. Старик был колдун и перед смертью своей приказывал всем своим сыновьям ходить каждую ночь к нему на могилу по очереди.

Когда же он умер, то по жеребью досталось на первую ночь идти большому брату. Он знал, что отец его был колдун, то и боялся идти к нему на могилу, почему начал нанимать меньшого своего брата Иванушку-дурачка, чтоб сходил вместо его. Иванушка-дурачок спросил его: «Что ты мне за то дашь, ежели я за тебя пойду к отцу на могилу?» Тот ему обещал дать старые онучи; а дурак на то с великою охотой согласился, и, взяв с собой хлеба, пошел к отцу своему на могилу, и, пришедши туда, лег на нее. В самую полночь вдруг камень с могилы свалился, да и могила раскрылась, а оттуда вышел старик, отец Иванушки-дурачка, и спросил: «Который сын пришел ко мне сию ночь?» Дурак отвечал: «Я, батюшка, пришел, большой твой сын Фома». Старик на то ему сказал: «Спасибо, что ты пришел, и за то надобно тебя наградить». Лишь только что старик вымолвил сии слова, вдруг крикнул громким голосом своим: «Гей, Сивка-бурка, вешняя коворка, стань передо мной, как лист перед травой». Конь его бежит, ажно земля дрожит, из ушей дым столбом, из ноздрей пламя пышит. Старик тому коню в ушко влез, напился, наелся, а из другого вылез, и стал такой молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать, ни в сказке сказать. Тут сказал он своему сыну Иванушке-дурачку: «Возьми, мой любезный сын, этого коня себе, он тебе пригодится». Потом, оборотясь к коню, сказал: «Конь ты мой добрый, Сивка-бурка, послужи ты моему сыну верою и правдою, так как мне служил». Потом влез опять коню в ушко, разрядился, а в другое вылез, стал опять по-прежнему, и отпустил коня. Как скоро петухи пропели, старик упал в могилу, а Иванушка-дурачок положил на нее камень и пошел домой, лег спать в печку, потому что он всегда в ней спал. Поутру вставши, большой брат его спросил: «Что, дурак, привиделось тебе на отцовой могиле?» — «Ничего, — отвечал он, — я как пришел на могилу, и лег на ней спать, и проспал до самого рассвета».

На другую ночь досталось по жеребью идти к отцу на могилу среднему брату, и тот так же был труслив, как и большой, начал равно нанимать дурака, чтоб сходил вместо его к отцу на могилу, и обещал ему за то дать старые лапти. Дурак был доволен и лаптями, взял хлеба, и пошел на могилу, и лег на нее,

как и прежде. В полночь могила раскрылась, и старик из нее опять вышел и спросил, который сын к нему пришел. Дурак сказал что средний. Тогда старик опять крикнул громким голосом: «Гей, Сивка-бурка, вешняя коверка, стань передо мной, как лист перед травой». Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом, а из ноздрей пламя пышит. Старик тому коню в ушко влез, напился, наелся и нарядился, а из другого ушка вылез, стал такой молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать, ни в сказке сказать, и сказал своему сыну: «Сын мой любезный, возьми этого коня себе, владей им, так как я владел: это последнее тебе от меня благословение». Потом, оборотясь к коню, сказал: «Слушай, Сивка-бурка, служи ты моему сыну, так как мне служил». Тогда старик влез опять коню в ушко, разрядился, а из другого вылез, и стал по-прежнему, и отпустил коня в чистое поле. Когда же петухи пропели, старик упал в могилу, а дурак наложил на нее камень, пошел домой и лег в печке спать. Поутру середний брат начал спрашивать дурака: «Дурак, что тебе в сию ночь у отца на могиле приснилось?» Дурак ему сказал то же, что и большому брату.

На третью ночь пришла очередь Иванушке-дурачку идти к отцу на могилу, он, дождавши обыкновенного часа, пошел туда, взяв с собою хлеба, и, пришедши на кладбище, лег на отцову могилу. В самую полночь опять камень с могилы свалился и могила раскрылась, а оттуда вышел старик, его отец, и спросил: «Который сын сию ночь ко мне пришел?» Иванушка-дурачок ему отвечал: «Я, батюшка, дурак, меньшей твой сын к тебе пришел». Тогда старик крикнул своим громким голосом: «Гей, Сивка-бурка, вешняя коверка, стань передо мной, как лист перед травой». Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом, а из ноздрей пламя пышит. Старик влез коню в ушко, напился, наелся и нарядился, а из другого ушка вылез, стал такой молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать, ни в сказке сказать, и сказал своему сыну, Иванушке-дурачку: «Сын мой любезный, возьми себе вместо последнего моего благословения этого коня и владей им, так как я владел, он тебе пригодится». Потом старик влез опять коню в ушко, разрядился и в другое вылез, стал опять по-прежнему, и отпустил доброго того коня в чистое поле, в зеленые луга гулять, и когда петухи пропели, старик упал в могилу, а Иванушка-дурачок, наложив на нее камень, пошел домой и лег спать.

Царь той области, именем Гестон, имел у себя дочь, прекрасную Бастру, которую вздумал сочетать браком с достойным ее женихом, чего ради начал клич кликать, кто его дочь, прекрасную царевну Бастру, поцелует сидящую в окне и поменяется с нею перстнем (покои же высотой до окна двенадцать венцов), за того обещает дочь свою в супружество отдать, и положен был срок на три месяца. Когда слышали про то в иных землях царевичи и королевичи

и все знатные князья и бояры, то съезжались на срок ко двору царя Гестона. Когда же наступил день, чтоб доставать царевну за двенадцать венцов, то братья Иванушки-дурачка начали собираться идти смотреть того позорища. Иванушка-дурачок сказал своим братьям: «Братцы, возьмите и меня с собою». Братья его на него закричали: «Куда тебя, дурака, нелегкое несет: сиди-ка лучше дома и лежи в печи». Дурак им сказал: «Дайте мне хоть корзинку, я пойду в лес да грибов вам наберу». Они дали ему корзинку, и пошел дурак в чистое поле, в зеленые луга, положил корзину под кустик и крикнул своим громким голосом: «Гей ты, Сивка-бурка, вешняя коверка, стань передо мной, как лист перед травой». Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом, а из ноздрей пламя пышит, и, прибежав к Иванушке-дурачку, сказал: «Какая служба, какая нужда? Сказывай мне скоро и садись на меня, на доброго коня». — «Ах! Ты гой еси, мой добрый конь! — сказал ему Иванушка-дурачок. — Царь наш клич кликал, чтоб поцеловать его дочь, прекрасную Бастру, за двенадцать венцов и перстнями с нею поменяться, то сослужи ты мне эту службу». Вымолвил сии слова, влез он к тому коню в ушко, напился там, наелся и хорошенько нарядился, а в другое вылез и стал такой молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать, ни в сказке сказать, и сел он на коня, и начал бить коня по крутым бедрам. Конь осержается, от земли отделяется, выше лесу стоячего, ниже облака ходячего, доли и горы хвостом устилает, малые речки меж ног пускает, большие реки переплывает, и так он разъярился, что прекрасную царевну Бастру только за два венца не достал. Тут царь Гестон закричал: «Держи, держи!» Однако не могли Иванушку-дурачка удержать, он ускакал в чистое поле, в зеленые луга, и как приехал на то место, где на коня сел, то слез с своего доброго коня, потом влез ему в ушко, разрядился, а в другое вылез, стал опять по-прежнему, и отпустил своего доброго коня гулять, а сам взял корзинку, пошел в лес и, набрав грибов, принес домой. Братья его, пришедши вскоре после него, начали между собой разговаривать: «Куда, братец, какой сегодня один был молодец, — сказал один другому, — что чуть было царевну не достал». — «Да ведь и я там был», — подхватил речь его Иванушка-дурачок. «Где тебе там, дураку, быть, — сказали ему братья, — лежи в печи, да молчи».

Царь Гестон опять начал клич кликать, чтоб съезжались все цари-царевичи, короли-королевичи, князья и бояра, и когда пришел реченный день, то братья Иванушки-дурачка опять начали собираться идти смотреть того позорища. Дурак стал братьев просить, чтоб его взяли с собою, но они его не взяли и сказали ему на то, как и прежде. Когда же дураковы братья ушли, то Иванушка-дурачок взял корзинку и пошел в чистое поле, в зеленые луга, и положил корзинку под кустик, крикнул громким голосом: «Гей ты,

Сивка-бурка, вешняя коворка, стань передо мной, как лист перед травой». Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом, из ноздрей пламя пышит, и, прибежав к нему, сказал: «Какая служба, какая нужда? Сказывай мне скорее и садись на меня, на доброго коня». — «Ах! ты гой еси, мой добрый конь! — сказал ему Иванушка-дурачок. — Царь Гестон клич кликал, чтоб его дочь, прекрасную Бастру, поцеловать и перстнями обменяться чрез двенадцать венцов, то сослужи ты мне эту службу». Вымолвив сию речь, Иванушка-дурачок влез коню в ушко, напился, наелся и нарядился, а в другое ушко вылез, стал такой молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать, ни в сказке сказать, и сел на своего доброго коня, и бьет его по крутым бедрам. Конь осержается, от земли отделяется, выше лесу стоячего, ниже облака ходячего, доли и горы хвостом устилает, малые речки меж ног пропускает, большие реки переплывает, и так он разъярился, что прекрасную царевну Бастру только за один венец не достал. Царь Гестон тогда закричал: «Держи, держи!» Однако не могли Иванушку-дурачка удержать, он ускакал в чистое поле, в зеленые луга, и как приехал на то место, где на коня сел, слез с своего доброго коня, потом влез ему в ушко, разрядился и в другое ушко вылез, стал по-прежнему, и отпустил своего доброго коня гулять, а сам взял корзинку и, набрав грибов, пошел домой. Братья его, пришедши скоро после него, начали меж собою разговаривать: «Куда, братец, какой сегодня один молодец был, что лучше еще вчерашнего, и за один венец только царевну не поцеловал». Дурак, перебив их разговор, сказал: «Ведь и я там был». — «Где тебе, дураку, там быть, — закричали на него братья, — лежи на печи, да молчи».

Царь Гестон в третий раз начал клич кликать, чтоб съезжались все цари-царевичи, короли-королевичи, князья и бояра; и когда пришел реченный день, то братья Иванушки-дурачка опять начали собираться идти смотреть того позорища. Дурак стал братьев просить, чтоб его взяли с собою, но они его, не взяв, сказали ему, чтоб он сидел дома. Когда же они ушли, то Иванушка-дурачок взял корзинку, и пошел в чистое поле, в зеленые луга, и, положив корзинку под кустик, крикнул своим громким голосом: «Гей ты, мой Сивка-бурка, вешняя коворка, стань передо мной, как лист перед травой». Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом, а из ноздрей пламя пышит; седельце на нем черкаское, а уздечка шелку шемаханского, и, прибежав к Иванушке-дурачку, сказал: «Какая служба, какая нужда? Сказывай скорей и садись на меня, на доброго коня». «Ах! Ты гой еси, мой добрый конь! — сказал ему Иванушка-дурачок, — царь Гестон клич кликал, чтоб дочь его, прекрасную Бастру, чрез двенадцать венцов поцеловать и перстнями поменаться, то сослужи ты мне эту службу». Вымолвив сию речь, влез коню в

левое ушко, напился, наелся и нарядился, а в правое ушко вылез и стал такой молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать, ни в сказке сказать, и сел на своего доброго коня, и бьет его по крутым бедрам. Конь его осержается, от земли отделяется, выше лесу стоячего, ниже облака ходячего, доли и горы хвостом устилает, малые речки меж ног пропускает, большие реки переплывает, и так он разъярился, что перескакнул чрез все двенадцать венцов и прекрасную Бастру в сахарные уста поцеловал и перстнями поменялся. Царевна же Бастра вlepила ему в лоб алмазную звезду и сама уже закричала: «Держи, лови, лови!» Однако не могли Иванушку-дурачка никак поймать, он ускакал в чистое поле, в зеленые луга, и как приехал на то место, где на коня сел, то слез с своего доброго коня, потом влез ему в правое ушко, разрядился, а в левое ушко вылез, стал по-прежнему, и отпустил своего доброго коня гулять, а сам взял корзинку и набрал грибов, а потом, перевязав голову тряпкою, чтоб не видно было во лбу алмазной звезды, пошел домой. Братья его пришли скоро после него, начали меж собою разговаривать: «Куда, братец, какой сегодня молодец был, что лучше еще и вчерашнего, и за все двенадцать венцов перескочил и царевну поцеловал и перстнями с нею поменялся, да и конь под тем молодцем какой славный, что так высоко скачет». Иванушка-дурачок им сказал на то: «Да ведь и я там был». — «Где тебе, дураку, там быть, — закричали на него братья, — лежи на печи да молчи: видно, ты с кем-нибудь дрался, что голову тряпкою обвязал». Дурак им на то сказал, что будто бы он угорел.

В то самое время, как Иванушка-дурачок поцеловал царевну Бастру и поменялся перстнем, и царь велел его держать, однако не удержали. Тогда царь Гестон отдал приказ, чтоб ко всем градским воротам приставить крепкие караулы и никого из города не выпускать, кто б таков ни был, а другой приказ отдал, чтоб на другой день со всего города все князья и бояра и жители градские мужеска полу от старого до малого собирались во дворец к царю Гестону. На утро начали по сему приказу собираться во дворец все приезжие цари-царевичи, короли-королевичи, князья и бояра и все жители градские. Братья Иванушки-дурачка также начали собираться идти во дворец, а Иванушку-дурачка с собою не берут. Когда же они ушли, то Иванушка-дурачок вылез из печи, сказал: «Стань, печка, на куриные ножки и ступай за мной». Печь тотчас стала на куриные ножки и пошла за ним. Он пошел ко дворцу царя Гестона, и печка за ним туда же, и, пришедши Иванушка-дурачок ко дворцу, против окна остановился, и, затопя печку, начал печь блины. Когда же все жители градские мужеска полу собрались во дворец, тогда прекрасная Бастра каждого человека призывала к себе поодиночке и давала всем награждение денежное. Как скоро она всех

пересмотрела, тогда столь печальна стала, что не нашла возлюбленного, своего обруче. Она пошла в свою спальню, села под окном, пригорюнившись, и нечаянно взглянула на улицу и увидела Иванушку-дурачка, что блины печет, тотчас приказала его привести пред себя. Когда же его привели пред нее, то спросила она Иванушку-дурачка, для чего у него голова обвязана тряпкою. Он ей сказал, что голова болит. Однако царица скинула у него с головы тряпку и увидела ту алмазную звезду, которую она ему в лоб вlepила, тотчас взяла его за руку, повела к своему отцу, царю Гестону, и ему сказала: «Милостивейший государь батюшка, ваше величество! Вот мой обрученный жених, я его нашла». Царь Гестон весьма обрадовался и начал Иванушку-дурачка спрашивать, какого он роду и какого отца сын, и как его по имени зовут. Иванушка-дурачок сказал ему о себе точь-в-точь. Царь Гестон приказал тотчас Иванушку-дурачка одеть в драгоценное платье и отвезть во дворце особливые покои, где б ему до брака жить можно было.

Потом послал по дурачковых братьев, и когда они к нему пришли, то приказал и им жить во дворце, и после пожаловал их царь всех знатными чинами. Братья Иванушки-дурачка весьма тому дивились, что брата их дурака хочет царь женить на своей дочери, прекрасной Бастре. Царь Гестон приказал делать заготовление к свадьбе, и когда все было приготовлено, тогда повезли Иванушку-дурачка в церковь вместе с прекрасною царицею Бастрою, и обвенчали, и, приехав от венца, посадили их за столы дубовые, за скатерти браные. И тогда на том пиру все пили, ели и прохлаждались и разными разговорами забавлялись, а потом повели Иванушку-дурачка с прекрасною царицею Бастрою в брачную горницу, и положили их на ложе брачное с великою честью, и для такой великой радости были великие забавы во всех городах царя Гестона сряду месяц целый. Братья же Иванушки-дурачка как скоро получили чины, то сделались такими грубыми, что все придворные господа начали на них иметь великую злобу, и старались, как бы их отдалить от двора царя Гестона. Один из придворных господ выдумал для того вот что: он пришел к царю Гестону и ему сказал: «Милостивейший государь! Любезные ваши зятья похваляются, будто бы могут они достать вашему величеству яблонь золотую, на ней растут яблоки золотые и серебряные, да и листья на ней золотые ж и серебряные, а растет она за тридевять земель в тридесятом царстве, в заповедных лугах». Царь Гестон обрадовался, услышав о сем от своего придворного, и захотелось ему весьма той яблони, для чего призвал к себе двух больших братьев зятья Иванушки-дурачка и сказал им: «Зятьевья мои любезные! Я слышал, что вы похваляетесь достать мне золотую яблонь с золотыми и серебряными листочками и яблочками, то берите себе казны, сколько вам надобно, и поезжайте туда, куда вам надобно». Братья

Иванушки-дурачка сказали царю Гестону, что они совсем тем не похвалялись. Однако царь им сказал, что ежели они той яблони ему не привезут, то велит их обоих казнить злою смертию. Они, устрасясь казни, взяли по доброму коню и золотой казны на дорогу, поехали, не зная сами куда.

Иванушка же дурачок, услышав, что братья его поехали доставать золотую яблонь, то и он не утерпел, чтоб не ехать, и, пришедши к царю Гестону, своему тестю, начал проситься, чтоб и его отпустил. Царь не хотел было его отпустить, однако отпустил, и Иванушка-дурачок взял вместо доброго коня коростовую кобылу и сел на нее задом к голове, а передом к хвосту, и, взявши за хвост, поехал с царского двора, и когда он выехал в чистое поле, разорвал кобылу пополам, повесил на шест и закричал: «Сбегайтесь, серые волки, слетайтесь, черные вороны, вам царь Гестон свежего мяса прислал». А после вскрикнул своим громким голосом: «Гей, Сивка-бурка, вешняя коверка, стань передо мной, как лист перед травой». Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом, а из ноздрей пламя пышит, и, прибежав к Иванушке-дурачку, сказал: «Какая служба, какая нужда? Сказывай мне скоро». Иванушка-дурачок ему сказал: «Царь Гестон посылает меня за тридевять земель в тридесятое царство и велел достать и ему привезть золотую яблонь, то сослужи ты мне эту службу». Тогда конь молвил: «О! Это не служба, а службишка, служба еще вся впереди. Возьми ты с собою веревку, и когда приедешь к той яблоне, то привяжи веревкою к самому корню одним концом, а другим к моему хвосту, тогда я ту яблонь вытащу из земли и с корнем». Иванушка-дурачок влез коню в ушко, напился, наелся и нарядился, а в другое ушко вылез, и стал такой молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать, ни в сказке сказать, и сел на своего доброго коня, и бьет его по крутым бедрам. Конь его осержается, от земли отделяется, выше лесу стоячего, ниже облака ходячего, доли и горы хвостом устилает, малые речки перескакивает, широкие реки переплывает.

И так он ехал на коне, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, и наконец приехал за тридевять земель в тридесятое царство, в заповедные луга. И стоит там яблонь золотая, как красное солнышко, и весь луг освещает.

Иванушка-дурачок по сказанному, как по писанному, взял веревку, привязал одним концом под корень яблони, а другим к хвосту своего доброго коня. Тогда добрый конь его разбежался вдруг и выдернул ту золотую яблонь, а Иванушка-дурачок взял ее в руку, поехал назад и, не доезжая до государства царя Гестона, остановился на той дороге, по которой братьям его ехать должно было, слез с своего доброго коня, пустил его по траве, а сам лег подле него, а яблонь поставил поодаль от себя. Братья его ездили несколько лет по разным государствам, не могли проведать о той золотой яблоне, а ехали уже

назад, чтоб принять казнь от царя Гестона, которую он им обещал, и наехали вдруг на своего брата Иванушку-дурачка; однако его не узнали и увидели ту золотую яблонь, весьма ею прельстились и говорили между собою: «Конечно, эта та самая яблонь, за которою нас царь Гестон посылал». Потом, подъехав к Иванушке-дурачку, начали его спрашивать: «Добрый молодец! Не продашь ли ты нам сию золотую яблонь?» Иванушка-дурачок им молвил: «У меня эта яблонь не продажная, а заветная, и завет вот какой: ежели вы отрубите у себя на руке по пальцу и мне их отдадите, то я вам и яблонь отдам». Братья его долго о том думали, а после на то согласились, отрубили у себя с рук по пальцу и отдали Иванушке-дурачку, а яблонь взяли и поехали к царю Гестону в великой радости.

Как скоро они из виду от Иванушки-дурачка уехали, тогда он встал с травы и, сев на своего доброго коня, поехал к царству своего тестя, и когда приехал на то место, где на коня сел, слез с своего доброго коня, влез ему в ушко, напился, наелся, а в другое вылез, стал по-прежнему, и отпустил своего доброго коня в чистое поле гулять, а сам настрелял сорок и ворон, и пошел на царский двор, и, пришед на двор, начал кормить собак сороками и воронами, потом пошел к прекрасной царевне Бастре, своей супружнице. Она начала мужа своего уговаривать, чтоб он не дурачился, а Иванушка-дурачок ей сказал: «Прекраснейшая моя и всего света любезнейшая царевна Бастра! Пожалуй, не учи меня, я знаю сам, что делаю». Скоро после того братья Иванушки-дурачка приехали и вручили золотую яблонь царю Гестону. Царь весьма был рад, что получил такое сокровище, и наградил зятьев своих за то золотою казною и чинами. Братья Иванушки-дурачка, как скоро получили новые чины, то пуще сделались грубыми против всех придворных господ и думали, что уже лучше их никого у царя нет. Придворные господа начали за то на них иметь превеликую злобу и старались, как бы их совсем отлучить от двора царя Гестона, то один из придворных господ выдумал еще для того вот что: он пришел к царю Гестону и ему сказал: «Ваше величество! Любезные ваши зятья похваляются, что будто бы могут достать свинку-золотую щетинку, которая клыками землю пашет и хвостом засекает, а ходит она за тридевять земель в тридесятом государстве, в заповедных лугах». Царь Гестон обрадовался, услышав о том от своего придворного, и весьма хотел той свинки-золотой щетинки, для чего призвал к себе двух больших зятьев и им сказал: «Зятья мои любезные! Я слышал, что вы на стороне похваляетесь достать свинку-золотую щетинку, то берите себе казны, сколько вам надобно, и поезжайте, а ежели ту свинку мне не привезете, то я вас злою смертию казнить велю». Братья Иванушки-дурачка утрастились казни и, взяв себе по доброму коню и золотой казны на дорогу, поехали и сами куда не знают.

Иванушка же дурачок, услышав, что братья его поехали доставать свинку-золотую щетинку, не утерпел, чтоб не ехать, и, отпросясь у царя Гестона, сел на коростовую кобылу задом к голове, а передом к хвосту, и, взявши кобылу за хвост, поехал в чистое поле, и когда туда приехал, то разорвал кобылу надвое и, бросив на землю, сказал: «Сбегайтесь, серые волки, слетайтесь, черные вороны, вам царь свежего мяса прислал». После вскрикнул громким голосом: «Гей, Сивка-бурка, вешняя коворка, стань передо мной, как лист перед травой». Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом, а из ноздрей пламя пышит, и, прибежав к Иванушке-дурачку, сказал: «Какая служба, какая нужда? Сказывай мне скоро». Иванушка-дурачок ему сказал: «Царь Гестон посылает меня за тридевять земель в тридесятое царство доставать свинку-золотую щетинку, то сослужи ты мне эту службу». Тогда конь ему молвил: «О! это не служба, а службишка, служба еще вся впереди. Возьми только с собой опять веревку и сделай из нее петлю, и когда мы приедем к той свинке, то ты на всем скаку надень на нее петлю, то и получишь». Иванушка-дурачок влез коню в ушко, напился, наелся и нарядился, а в другое вылез и стал такой молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать, ни в сказке сказать, и сел на своего доброго коня, и бьет его по крутым бедрам. Конь его осержается, от земли отделяется, выше лесу стоячего, ниже облака ходячего, доли и горы хвостом устилает, малые реки меж ног пускает, большие реки переплывает.

И ехал Иванушка-дурачок на коне своем, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, и приехал за тридевять земель в тридесятое государство, в заповедные луга, и ходит там по лугу свинка-золотая щетинка, от щетин ее как от солнечных лучей сияет. Иванушка-дурачок по сказанному, как по писанному, сделал из веревки петлю, а потом разъярил своего доброго коня, и на скаку надел петлю на шею свинке, и, привязав ее к стремянам, поехал назад, и, не доезжая до государства царя Гестона, остановился на той дороге, которой братьям его ехать надобно, слез с своего доброго коня, пустил его по траве, а сам лег подле него, а свинку также пустил по траве гулять. Братья ж его ездили несколько лет по разным государствам, не могли проведать о той свинке-золотой щетинке, и ехали уже назад, чтоб принять казнь от царя Гестона, которою он им грозил, и наехали вдруг на своего брата Иванушку-дурачка; однако его не узнали, и, увидев ту свинку, весьма на нее прельстились, и говорили между собою: «Конечно, это та свинка, за которою нас царь Гестон посылал». И, подъехав к Иванушке-дурачку, начали его спрашивать: «Добрый молодец! Не продашь ли ты нам сию свинку-золотую щетинку?» Иванушка-дурачок им молвил: «У меня эта свинка не продажная, а заветная, и завет вот какой: ежели вы отрубите у себя у ног по пальцу и мне

их отдадите, то я вам и свинку отдам». Братья его долго о том думали, а после на то согласились и отрубили у ног по пальцу, отдали Иванушке-дурачку, а свинку взяли и поехали к царю Гестону в великой радости.

Когда они уехали, то Иванушка-дурачок встал с травы и, сев на своего доброго коня, поехал к царству своего тестя, и когда приехал на то место, где на коня сел, слез с своего доброго коня, влез ему в ушко, а в другое вылез, и стал по-прежнему, и отпустил своего коня в чистое поле гулять, настрелял опять сорок и ворон, и пошел на царский двор, и, пришед туда, начал кормить собак сороками и воронами, потом пошел в палаты к прекрасной царевне Бастре, своей супружнице. Она начала мужа своего уговаривать, чтоб он не дурачился. А Иванушка-дурачок ей сказал: «Прекрасная моя и всего света любезнейшая царевна Бафра! Пожалуй, не учи меня, я знаю, что делаю». Скоро после того братья его приехали и вручили царю Гестону свинку-золотую щетинку. Царь весьма был рад, что получил такое сокровище, и наградил зятьев своих за то золотою казною и чинами. Братья Иванушки-дурачка, как скоро получили новые чины и награждение от царя Гестона, то еще грубее стали против всех придворных господ и думали, что уже точно лучше их никого у царя нет. Придворные господа начали за то на них иметь превеликую злобу, и так, что старались их совсем искоренить. Тогда один из придворных пришел к царю и ему сказал: «Ваше величество! Любезные ваши зятья похваляются, что будто могут достать кобылицу златогривую с двенадцатью жеребятами златогривыми ж, а ходят они все за тридевять земель в тридесятом государстве, по заповедным лугам». Царь Гестон обрадовался, услыша о сем от своего придворного, и пожелал иметь ту кобылицу с жеребятами, для чего призвал к себе двух больших зятьев и им сказал: «Зятья мои любезные! Я слышал, что вы на стороне похваляетесь достать мне кобылицу златогривую с двенадцатью жеребятами златогривыми ж, то берите себе казны, сколько вам надобно, и поезжайте, а ежели той кобылицы с жеребятами мне не приведете, то я вас злою смертью казнить велю». Братья Иванушки-дурачка уstraшили казни, взяли себе по доброму коню и золотой казны на дорогу и поехали, сами куда не знают.

Иванушка же дурачок услышал, что братья его поехали доставать кобылицу златогривую с двенадцатью жеребятами, то и он не утерпел, чтоб не ехать, и, отпросясь у царя Гестона, сел на коростовую кобылу, поехал в чистое поле. И как туда приехал, разорвал кобылу надвое и закричал: «Сбегайтесь, серые волки, слетайтесь, черные вороны, вам царь свежего мяса прислал». Потом крикнул громким голосом: «Гей, Сивка-бурка, вешняя кокурка, стань передо мной, как лист перед травой». Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом, а из ноздрей пламя пышит, и, прибежав к нему, сказал: «Какая

служба, какая нужда? Сказывай мне скоро». — «Ах! Ты гой еси, мой добрый конь, — молвил Иванушка-дурачок, — послал меня царь Гестон за тридевять земель в тридесятое царство и велел достать в заповедных лугах кобылицу златогривую с двенадцатью ее жеребятами златогривыми ж, то сослужи ты мне эту службу». Как возговорит добрый конь: «Ох! Ты гой еси, добрый молодец, удалая твоя головушка! Вот то-то пришла мне, доброму коню, служба, да и тебе также. Однако бог милостив: возьми ты с собою палицу железную в 20 пуд, и как приедем мы туда, то вырой ты яму четвероугольную, в длину и ширину по десяти сажений, и заклади хворостом и травой, и, когда кобылица на тебя бросится, тогда я поскачу из всей моей силы, и, прибежав к яме, вдруг повернись в сторону, тогда кобылица упадет в ту яму, а ты палицею бей ее изо всей своей силы, то и кобылица тебе сдастся и с жеребятами». Иванушка-дурачок, выслушав коневу речь, влез ему в ушко, напился, наелся и нарядился, и стал такой молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать, ни в сказке сказать, и сел на своего доброго коня, и бьет его по крутым бедрам. Конь его осержается, от земли отделяется, выше лесу стоячего, пониже облака ходячего, доли и горы хвостом устилает, малые реки меж ног пускает, большие реки переплывает.

И ехал Иванушка-дурачок, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, и приехал за тридевять земель в тридесятое государство, в заповедные луга, и тогда начал Иванушка-дурачок рыть яму, какую конь его ему приказал, и закладал хворостом и травой, и лишь только, что успел яму вырыть и на своего коня сесть, увидела его кобылица златогривая и бросилась на Иванушку-дурачка, как лев злой. Иванушка-дурачок по сказанному, как по писанному, разъярил своего доброго коня, и тогда конь его поскакал, как стрела, изо всей силы, а кобылица за ним. И бегала за Иванушкой-дурачком по всему лугу, но не могла нагнать, а наконец прибежал конь к яме и вдруг повернул в сторону, а кобылица за ним не успела и упала в яму. Тогда Иванушка-дурачок начал кобылицу в яме бить палицею и до тех пор ее бил, покуда сама сдалась ему и с жеребятами своими. Иванушка-дурачок надел на нее узду, и, вытащив из ямы, привязал к своему коню, и поехал назад, а жеребята сами за кобылицею побежали. Иванушка-дурачок, не доезжая до государства царя Гестона, остановился на той дороге, по которой братьям его ехать надобно, слез с коня, пустил его с кобылицею и с жеребятами по траве гулять, а сам лег подле их. Братья его ездили несколько лет по разным государствам, не могли проведать о той златогривой кобылице, ни о жеребятах, и ехали уже назад, чтоб принять казнь от царя Гестона, которою он им грозил, и наехали вдруг нечаянно на своего брата, и его не узнали, и, увидя кобылицу златогривую и с жеребятами, весьма на нее прельстились, и

говорили между собою: «Конечно, это та кобылица с жеребятами, за которою нас царь Гестон посылал». И, подъехав к Иванушке-дурачку, начали его спрашивать: «Добрый и храбрый молодец! Не продашь ли ты нам сию кобылицу с жеребятами?» Иванушка-дурачок им отвечал: «У меня эта кобылица с жеребятами не продажная, а заветная, и завет вот какой: ежели вы вырежете у себя из спины по ремню и мне их отдадите, то я вам кобылицу и с жеребятами отдам». Братья его долго о том думали, а после на то согласились, и дали ему самому у себя вырезать из спин по ремню. Иванушка-дурачок, вырезав у них по ремню, положил их в карман, а кобылицу с жеребятами отдал. Братья его, взяв кобылицу с жеребятами, поехали к царю Гестону в великой радости.

Когда они уехали, то Иванушка-дурачок встал с травы, и, сев на своего доброго коня, поехал к царству своего тестя, и как приехал на то место, где на коня сел, слез с своего доброго коня и влез ему в ушко, а в другое вылез, и стал по-прежнему, и, отпустив своего коня в чистое поле, в зеленые луга гулять, настрелял опять сорок и ворон, и, обвесив их около себя, пошел на царский двор, и, пришед туда, начал кормить собак сороками и воронами, а после пошел к прекрасной царевне Бастре, своей супружнице. Она стала мужа своего со слезами уговаривать, чтоб он не дурачился. А Иванушка-дурачок ей сказал: «Прекраснейшая моя и всего света любезнейшая Бастра! Пожалуй, не учи меня, я знаю сам, что делаю». Скоро после того братья его приехали и вручили царю Гестону кобылицу златогривую и с жеребятами. Царь несказанно был рад, что получил такое неоцененное сокровище, и за то наградил своих двух зятьев великою казною и сделал их первыми при себе.

После сей поездки царь Гестон приказал вытопить баню, и когда она была совсем готова, тогда царь Гестон пошел в баню, приглася с собою всех зятьев, хотя большим его двум зятьям и не гораздо хотелось с царем вместе идти париться, потому что у них в спинах вырезано было по ремню. Однако не могли в том царю отказать и с ним пошли. Когда они пришли в баню и все разделись, тогда Иванушка-дурачок сказал царю Гестону: «Ваше величество! Не прикажи казнить, прикажи слово вымолвить». Царь ему на то отвечал: «Говори, любезный мой зять, что тебе угодно». Тогда Иванушка-дурачок начал говорить: «Посмотри, государь, что это у братьев моих спины не целы?» Царь весьма удивился, когда увидел, что у них по ремню вырезано было, и спрашивал у них, что тому причиною. Но Иванушка перехватил его речь и молвил: «Ваше величество! Ведь не они тебе достали золотую яблонь с золотыми и серебряными листочками и яблочками, не они достали свинку-золотую щетинку, не они тебе достали и кобылицу златогривую с

жеребьятами, а я трудился и их доставал. Вот тебе ремни из спины их и пальцы от рук и от ног их». Тогда Иванушка-дурачок рассказал царю обо всем, как что было: как он доставал яблонь, свинку и кобылку с жеребьятами и как братьям отдавал. Тут царь Гестон разъярился на двух своих зятьев, и приказал их расстрелять, и мясо их псам отдать за то, что его обманывали, а Иванушку-дурачка наградил до избытка золотою казною, и при старости лет своих возложил на главу его венец свой, и он начал управлять царством его разумно, и подданные любили его как своего отца.